

Васильева Светлана Леонидовна

СПЕЦИФИКА АКТУАЛИЗАЦИИ АРХЕТИПИЧЕСКОГО КОНСТРУКТА "СВОЙ-ЧУЖОЙ" В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX ВЕКА

Статья представляет собой продолжение освещения проблемы герменевтического описания политического дискурса XX века с опорой на опредмеченные в текстах при помощи средств метафоризации конструкты. В данном случае речь идет о способах языкового конструирования ключевой для политического дискурса XX века оппозиции "Мы-Они", которая рассматривается как смысл-основа дискурса в целом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/2/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (6). С. 33-40. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Выпадение гласного и согласного вместе: выпадение /il'/ в 1-ом заударном слоге /t'il'/ перед носовым /n/
 В заударном комплексе /t'il'/ выпадало сочетание гласного и согласного /il'/ перед носовым /n/, а мягкий /t'/ становился твердым /t/ в словах «преподавательскую», «действительно», «замечательная», «подготовительная» и «удивительный». В 2 случаях заударный комплекс /t'il'/ заменялся на глухую альвеолярную боковую аффрикату /tʃ/ перед носовым /n/ в словах «преподавательница» и «отвратительными».

Выпадение целого слога в первом и втором заударных неконечных слогах

Выпадали в большинстве случаев слоги /va/ перед боковым аппроксимантом /l/ или смычным /t'/ и /v'i'/ перед носовым /n/ в словах «удовольствием», «радовался», «поворачивать», «укачивало» и в сверхчастотных словах «естественно», «непосредственно», «разговаривал» и «заканчивался». Также встречались случаи выпадения /tʃ'i/ из заударного комплекса /tʃ'isk/ в слове «практически» и выпадение /ba/ в первом заударном слоге перед щелевым /v/ в слове «попробовать».

Таким образом, в ходе исследования были получены следующие выводы:

1) при реализации заударных звуковых комплексов в спонтанной речи и в чтении наблюдаются некоторые отклонения от идеального произношения, связанные с утратой определенности их фонемных характеристик;

2) во всех случаях за исключением спонантизации и оглушения, заударные звуковые комплексы в спонтанной речи изменяются сильнее, чем в чтении;

3) наибольшим изменениям подвергаются 4 заударных звуковых комплекса - /t'il'/, /tʃ'isk/, /va/ и /v'i'/ - с помощью которых образуются сверхчастотные слова, такие как «замечательно», «обязательно», «действительно», «практически», «понравилось», «разговаривала», «естественно» и т.п.

Список литературы

1. Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гейльман Н. И. и др. Фонетика спонтанной речи. Л., 1988.
2. Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Зиндер Л. Р., Касевич В. Б. Стили произношения и типы произнесения // Вопросы языкознания. 1974. № 2.
3. Овчаренко Е. Б. Реализация и восприятие заударных морфных комплексов и функциональная нагрузка морфем: дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1988.
4. Bondarko L. V., Volskaya N. B., Tananaiko S. O., Vasilieva L. A. Phonetic properties of Russian spontaneous speech // Proceedings of the 15th International congress of phonetic sciences. Barcelona, 3-9 August, 2003. P. 2973-2976.

THE SPECIFICITY OF THE REALIZATION OF POST-STRESSED SOUND SEQUENCES IN CONTINUOUS SPEECH

Lyudmila Anatolyevna Vasilyeva, Svetlana Olegovna Tananayko

Laboratory of Experimental Phonetics of Philological Faculty
 Saint-Petersburg State University
 LAVasil@phonetics.pu.ru, stananaiko@mail.ru

In the article the phonetic variety of post-stressed sound consequences in continuous speech is researched. It is shown that at their realization some declinations from the ideal pronunciation connected with the loss of the distinctness of their phonemic characteristics are observed; in the vast majority of cases sound complexes in spontaneous speech change more than while reading; post-stressed sound complexes which are the part of super-frequent words are changed most of all.

Key words and phrases: phonetic variety of continuous speech; post-stressed sound consequences; spirantization of consonants; stunning of consonants and approximants; fall out of sound or group of sounds; reduction of unstressed vowels.

УДК 801.73

Статья представляет собой продолжение освещения проблемы герменевтического описания политического дискурса XX века с опорой на определеннные в текстах при помощи средств метафоризации конструкты. В данном случае речь идет о способах языкового конструирования ключевой для политического дискурса XX века оппозиции «Мы-Они», которая рассматривается как смысл-основа дискурса в целом.

Ключевые слова и фразы: политический дискурс; оппозиция «Мы-Они»; средства метафоризации.

Светлана Леонидовна Васильева, к. филол. н.

Кафедра лингвистики и переводоведения

Институт международного образования и языковой коммуникации

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

tutok@mail.ru

СПЕЦИФИКА АКТУАЛИЗАЦИИ АРХЕТИПИЧЕСКОГО КОНСТРУКТА «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX ВЕКА[©]

Политический дискурс является отражением общеполитической ситуации, складывающейся в стране и в мире в целом. XX век оказался насыщенным событиями, связанными с противостоянием коммунистического и капиталистического миров, что не могло не сказаться на содержании политического дискурса, для которого как никогда актуальным стало выстраивание противопоставления «своих» и «чужих».

Анализ политического дискурса XX века с точки зрения герменевтического подхода и выявление его смысловой структуры приводят к выводу об основополагающем характере смыслового конструкта «свои-чужие» [2; 3]. При этом, на наш взгляд, правомерно говорить о трансформации данной архетипической оппозиции в смысловую оппозицию «Мы-Они», поскольку «чужой» далеко не всегда эксплицирован и собственно обладает свойствами чужого в культурологическом понимании.

В целом, подробное рассмотрение специфики построения смысловой оппозиции «Мы-Они» как смысла-основы политического дискурса XX века определяет необходимость освещения следующих проблем:

1) обоснование причин выдвижения именно оппозиции «Мы-Они» в качестве смысла-основы политического дискурса и анализ специфики политической коммуникации как актуализирующей данное противопоставление;

2) изучение тенденций построения смысла-оппозиции «Мы-Они» в различных национальных типах дискурса, описание способов языкового конструирования смысла и выявление роли и функций средств метафоризации в рамках анализа вариаций дискурсивного формирования смысла-основы «Мы-Они».

1. Причины основополагающего характера смысловой оппозиции «Мы-Они» кроются в ее способности отражать особенности дискурсивной среды как сферы функционирования политического дискурса, которые определяются спецификой институциональности, устанавливающей конвенциональные свойства политического общения, его цели и коммуникативные стратегии, статусно-ролевые характеристики участников общения и т.д. Сущность политического дискурса в соответствии с анализом своеобразия его институциональных аспектов заключается в реализации основного принципа политической деятельности, связанного с осуществлением борьбы за власть.

Смысл-основа «Мы-Они», по сути, представляет собой отображение в дискурсе существующей в обществе борьбы различных социальных групп за достижение политического доминирования. Таким образом, его актуализация с точки зрения специфики дискурсивной среды объясняется возможностью выражения, в рамках ее различных смысловых реализаций, социально-групповой принадлежности субъекта посредством обращения к соответствующим характерным для данной группы и ожидаемым от нее установкам, при одновременном дистанцировании от других социально-политических групп и объединений.

Формирование на смысловом уровне дискурса смысла-оппозиции «Мы-Они» определяется его соотношением с объективной, существующей в политической действительности оппозицией «Мы-Они», актуализация которой, в свою очередь, обуславливается наличием соответствующего устойчивого надындивидуального коррелята на глубинном уровне сознания, фиксирующем предшествующий опыт человечества и закрепляющем общие представления человека о мире. Дело в том, что одним из таких представлений является концептуальный дуализм, связанный с разделением мира на «своих» и «чужих». Его истоки обнаруживаются в первобытном обществе, для которого был характерен высокий уровень идентификации со «своей» общностью, что определяло возможность выживания в сложных условиях борьбы за существование, и дистанцирования от «чужой». Постепенно развиваясь из представления в соответствующее суждение, стереотип, данное противопоставление приобрело свойство мировоззренческой установки [7], функционирующей на подсознательном уровне в виде некоторого ментального конструкта, непроизвольно оказывающего влияние на восприятие человеком действительности. В результате, рождаясь в определенной социально-культурной общности и осознавая свою культурную принадлежность, человек начинает идентифицировать себя с ней, в то же время отделяя себя от всего остального мира, который воспринимается как совокупность противостоящих «нам» «других», рассматриваемых как реальные или потенциальные враги или как нейтральные «чужие» [6].

Наличие на подсознательном уровне такого архетипического конструкта обуславливает актуализацию оппозиции «Мы-Они» для характеристики схожих ситуаций политической действительности. А отражение этих ситуаций в политическом дискурсе, в свою очередь, определяет формирование на смысловом уровне дискурса соответствующего смысла.

При этом очевидно, что политическая действительность, вызывая к жизни архетипический конструкт «Мы-Они», модифицирует его применительно к специфике политических взаимоотношений. В отличие от архетипического конструкта, в большей степени характеризующего существующий в мире диалог культур, оппозиция «Мы-Они» в политике утрачивает присущее культурологической оппозиции качество четкого дуализма, связанное с делением мира только на «своих» и «чужих», то есть на принадлежащих данной культуре и не принадлежащих к ней.

Она, скорее, обнаруживает тенденцию к некоторой градации, суть которой заключается в возможности дифференциации нескольких социально-политических группировок как в пределах категории «своих», в культурологическом понимании, то есть в данной культурной общности, так и в рамках категории «чужих», то есть в других культурных общностях. Причем из принадлежности различных социально-политических группировок одной и той же культурной общности не следует единство их взглядов, что приводит к выстраиванию частных случаев глобальной оппозиции «Мы-Они», отражающих специфику взаимоотношений как между отдельными социально-политическими группами внутри одной культурной общности, так и между социальными группами различных культурных общностей и между культурными общностями в целом (Рис. 1).

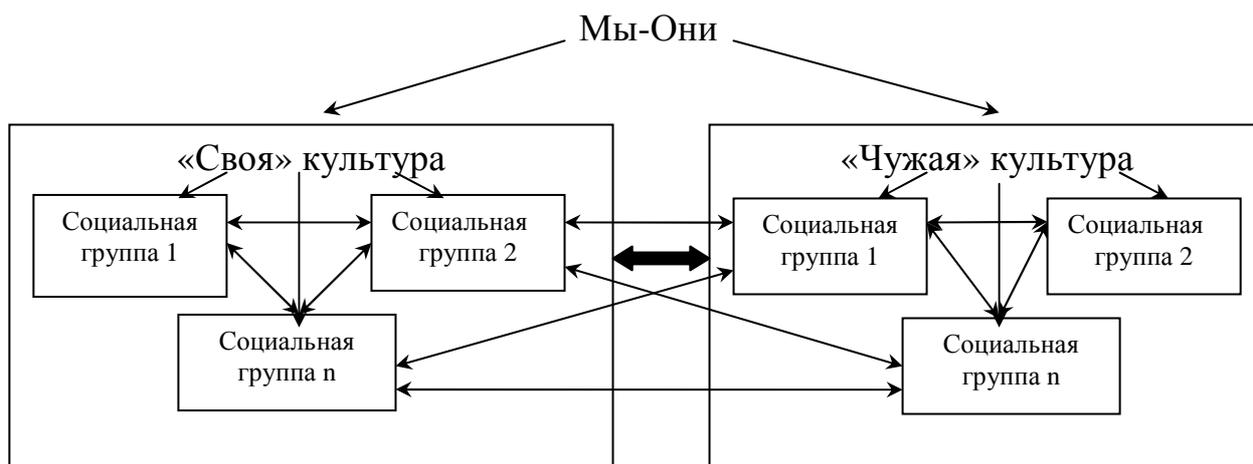

Рис. 1. *Репрезентация культурологической оппозиции «Мы-Они» с точки зрения ее переноса на общественно-политические отношения*

Представленные на рисунке линии взаимодействия, обозначенные двойными стрелками, отражают различные ситуации непосредственной или опосредованной коммуникации, каждая из которых предполагает конструирование своей оппозиции «Мы-Они». Последняя при этом, с точки зрения рассмотрения ее объективного существования, приобретает такое качество как реверсивность или обратимость, являющееся следствием вариативного толкования содержания оппозиции представителями различных социальных групп: тот, кто, с одной стороны, воспринимается как «свой», с другой стороны, может рассматриваться как «чужой», те действия, которые, с одной стороны, квалифицируются как позитивные, с другой стороны, полагаются негативными и т.д.

Особый интерес представляют случаи обретения объективной оппозицией «Мы-Они» реверсивного характера в периоды смены политических режимов, гражданских войн, когда обостряется напряженность в обществе, связанная с его разделением на группы, классы и т.д. В таком контексте речь может идти не просто о приобретении оппозицией «Мы-Они» реверсивного характера в связи со сменой ролей субъектов коммуникации, но об обратимости оппозиции как следствия изменения самой дискурсивной среды в широком смысле. Эти изменения обусловлены осуществлением серьезных политических преобразований внутри страны, способных оказать влияние на мировосприятие субъектов, поскольку результатом таких преобразований может явиться полная переоценка ценностей, трансформация оценочных установок, а, следовательно, и содержания базовых категорий мышления, к которым относится и оппозиция «Мы-Они». Последствием преобразований может стать замена и устойчивое закрепление нового содержания членов оппозиции, вследствие чего положительно оцениваемый член оппозиции, обозначенный, в нашем случае, как «Мы», приобретает в данной культурной общности негативную эмоциональную коннотацию. В свою очередь, член оппозиции, ранее обладавший отрицательной или нейтральной эмоциональной оценочностью, в нашем случае означиваемый как «Они», получает положительный эмоциональный заряд и занимает место члена «Мы». Таким образом, происходит подмена внутреннего содержания оппозиции при сохранении ее внешнего выражения.

При этом интересен тот факт, что указанные преобразования объективной оппозиции «Мы-Они», скорее, отражаются на уровне содержания политического дискурса и мало влияют на преобразования смысла-основы политического дискурса «Мы-Они», который продолжает существовать в том же структурном варианте, также закрепляя и отображая существующую в обществе полемику и противостояние социальных групп, связанное с осуществлением борьбы за власть. Дело в том, что для смысла-основы общественные изменения не являются релевантными в том отношении, что в дискурсе они опредмечиваются в соответствии с той же моделью, базирующейся на противопоставлении субъективно значимых образов, интендирующих необходимый субъекту аспект оценки.

Актуализация того или иного аспекта оценки и специфика построения дискурсивной оппозиции «Мы-Они» при этом обнаруживает свою зависимость от направления или канала коммуникативного взаимодействия, определяющего непосредственных участников коммуникации и ее сторонних наблюдателей, оказание воздействия на которых составляет основу интенций субъектов дискурса.

С позиций субъекта политического дискурса как лица, осуществляющего продукцию смыслов, становится возможным выделение трех ядерных каналов взаимодействия, в основе которых лежит обозначение базовой пары субъектов коммуникации: политик ↔ политический партнер, политик ↔ политический оппонент, политик ↔ массы.

Разграничение указанных каналов коммуникативного взаимодействия в сфере политических отношений, однако, не отрицает их взаимосвязи, которая выявляется вследствие преимущественной ориентированности политической коммуникации, независимо от того, кто является ее непосредственными участниками, на оказание воздействия на коллективного реципиента (народ), от которого зависит распределение власти в обществе.

Результатом такой взаимосвязи становится преобразование первых двух каналов взаимодействия в коммуникативную триаду (Рис. 2.1, 2.2). Третий канал политического взаимодействия соответствует ситуации публичной речи, когда народ как коллективный реципиент и объект воздействия становится основным адресатом политической коммуникации, то есть начинает выступать в роли «другого» в терминологии М. М. Бахтина.

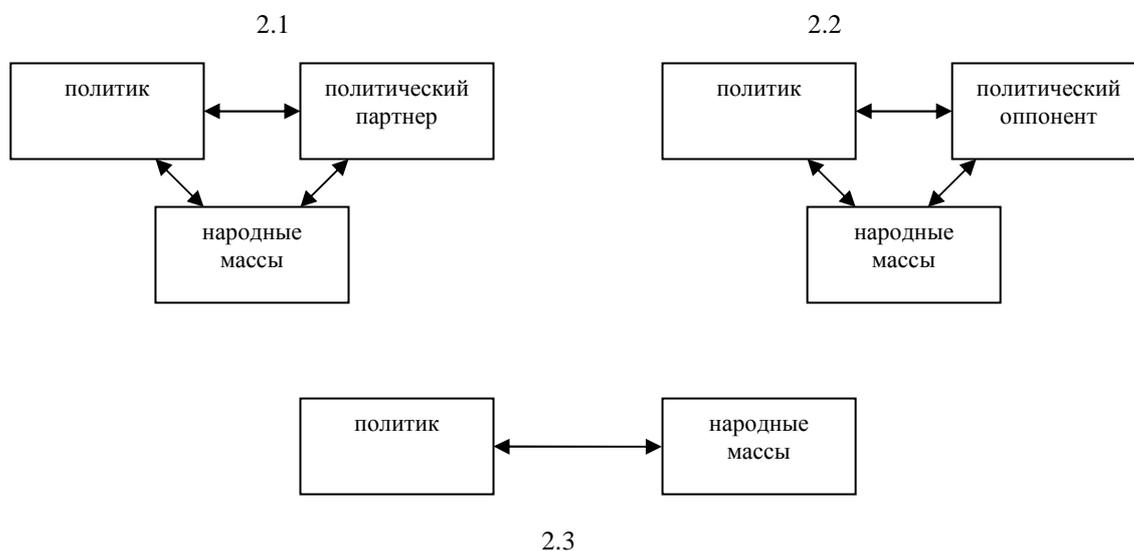

Рис. 2. Каналы политического взаимодействия

Специфика адресации политического дискурса, связанная с постоянным присутствием в качестве участника коммуникации народных масс, определяет своеобразие смыслового наполнения конструктов, составляющих оппозицию «Мы-Они». Стремление найти отклик и поддержку своей позиции, зачастую посредством противопоставления себя политическому оппоненту, заставляет субъекта дискурса обращаться к однотипным стратегиям смыслопостроения, которые с учетом влияния национально-культурных факторов способны образовывать две ключевые тенденции конструирования оппозиции «Мы-Они» как смысла-основы политического дискурса, которые будут рассмотрены ниже.

2. В лингвистической литературе по прагматике и критическому анализу политического дискурса в качестве главной стратегии построения оппозиции «Мы-Они» полагается стратегия прокламации собственной позиции на фоне диффамации и дискредитации оппонента. В рамках данной стратегии выделяются соответствующие тактики, связанные с выбором одного из следующих вариантов дискредитации оппонента:

а) оппонент не эксплицируется, а, как правило, предстает в образе какой-либо «мистической» группы, и его позиция не верифицируется;

б) оппонент конкретизируется, дается его характеристика, основанная на использовании «неаргументированных утверждений по типу «он - плохой» и аргументированных оценок, подвергающих критике компетентность, моральный облик и т.д. оппонента [9].

Рассмотрение специфики построения оппозиции «Мы-Они» как смысла-основы в различных национальных политических дискурсах, однако, привело нас к выводу о существующей зависимости выбора вариантов дискурсивного конструирования смысла-основы от влияния *культурного фактора* как фактора, обуславливающего своеобразие способов смыслопостроения в соответствии со спецификой национально-культурного восприятия действительности.

Культурная принадлежность субъекта коммуникации предопределяет наличие у него определенных ориентиров или оценочных установок, характерных для данной культурной общности. Именно в соответствии с этими установками осуществляется осмысление всей совокупности существующих между объектами действительности отношений, происходит формирование представления о собственном обществе, его культурных связях и отношениях, его месте в мире, солидаризация с ним или дистанцирование от него.

Согласно анализу русского, американского и французского политических дискурсов на смысловом уровне или, пользуясь терминологией ван Дейка, на уровне макроструктуры дискурса [5], обнаруживаются несколько вариантов создания оппозиции «Мы-Они», которые не всегда связаны с выбором только стратегии диффамации оппонента. Все эти варианты образуют следующие тенденции:

- 1) тенденция диффамации политического оппонента, которая предстает в двух вышеуказанных модификациях, связанных с выделением различной степени экспликации негативного образа оппонента в дискурсе;
- 2) тенденция нейтральной характеристики оппонента.

В соответствии с реализацией данных тенденций субъект дискурса производит отбор средств смыслопостроения. Обращение к средствам метафоризации, при этом, соотносится с возможностью как усиления противопоставления путем интенсификации отдельных аспектов смысла, соотносимых с формированием составляющих оппозицию «Мы-Они» конструкторов, так и смягчения этого противопоставления посредством обеспечения косвенной передачи интенций субъекта или создания такой дискурсивной реальности, в рамках которой существующие в обществе противоречия представляются в приглушенном виде. Выбор стратегий и языковых средств построения оппозиции «Мы-Они» определяется спецификой актуализации бытующих в обществе культурных стереотипов и целевыми установками субъекта дискурса, соответственно.

Так, например, рассмотрение способов конструирования смысла-основы «Мы-Они» в американском политическом дискурсе обнаруживает, кроме преобладания стратегии диффамации оппонента, преимущественное обращение к использованию тактики дискредитации «*мистического*» оппонента. Последний, при этом, как правило, предстает в образе неизвестной, негативной, несущей угрозу процветанию нации и всего мира силы, коррелятом которой в дискурсе становятся метонимические представления *evil* или *evil forces*. Именно на эту силу в американском политическом дискурсе возлагается ответственность за все беды, несчастья и неудачи, постигшие страну и мир.

Пример: *Let us no longer blind ourselves to the undeniable facts that evil forces which have crushed and undermined and corrupted so many others are already within our gates* [15].

Обращение к средствам метафоризации способствует интенсификации смыслового аспекта «опасность», что в данном случае достигается при помощи сопровождающего метонимический образ *evil forces* развернутого эксплицирующего определения, содержащего построенное по принципу нарастания перечисление негативных действий оппонента. образу оппонента противопоставляется метафорическое представление собственной страны как «дома» (*within our gates*), связанное с актуализацией смыслового аспекта «спокойствие, благополучие». Создание контраста за счет конструирования полярных смысловых репрезентаций обеспечивает реализацию косвенного убеждения реципиентов в необходимости предотвращения вмешательства оппонента во внутренние дела государства.

Особенностью конструирования позитивного образа собственного государства в американском политическом дискурсе становится его метафорическое представление как особого «миссионера», общепризнанное могущество которого определяет его способность противостоять «мистическому» оппоненту с тем, чтобы уберечь мир от исходящей от оппонента опасности.

Пример: *The greatest honor history can bestow is the title of peacemaker. This honor now beckons America - the chance to help lead the world at last out of the valley of turmoil, and onto that high ground of peace that man has dreamed of since the dawn of civilization* [14].

Так, образ миссионерской державы в данном случае создается представлением Америки как фактической «спасительницы мира». Стремление показать исключительность своей миссии и ее предназначенность свыше заставляет субъекта обратиться к олицетворению (*history can bestow*) и метонимии (*this honor now beckons America*), а экспликация содержания самой миссии определяет использование развернутой метафоры, в рамках которой субъектом также вводится антитеза (*valley of turmoil - high ground of peace*), актуализирующая концептуальное противопоставление «низ-верх» как соотносимое с оценочной шкалой «плохо-хорошо». Обращение к антитезе позволяет субъекту подчеркнуть контраст между существующим в мире упадком и будущим процветанием, к которому, согласно возложенной на них миссии, США способны привести мир. Средства метафоризации, таким образом, выполняют одновременно несколько функций: актуализирующую и культурную, вызывая к жизни соответствующие культурные концепты; прогнозирующую, представляя не существующие в настоящем явления; эксплицирующую, объясняя значимые для субъекта аспекты смысла; изобразительную, повышая эмоциональный тон высказывания.

Случаи конкретизации политического оппонента в американском политическом дискурсе соотносятся с ситуациями обострения международной напряженности. При этом конкретизация «мистического» оппонента в рамках XX века происходила в одном направлении, связанном с жестким противостоянием двух «миров» - капиталистического и социалистического, что приводило к текстовой трансформации абстрактной оппозиции «Мы-Они» в оппозицию «Мы (США) - Коммунистический мир»:

Пример: *...the world of communism and the world of free choice have been caught up in a vicious circle of conflicting ideology and interest* [12].

Метафорическое представление капиталистического и социалистического лагерей как *the world of free choice* и *the world of communism*, а также использование стертого метафорического образа (*vicious circle*) и обращение к метонимическому переносу (*conflicting ideology and interest*) подчеркивает глобальный характер этого противостояния и способствует выражению мысли субъекта о бесплезности и отсутствии реальной выгоды в этом противостоянии для обоих «миров», что, в свою очередь, имплицитно призывает к его ликвидации.

Специфика построения смысла-основы «Мы-Они» в русском или советском политическом дискурсе связана с созданием собирательного образа оппонента, которых также имеет частично «мистический» характер. Собирательно-мистические свойства образа оппонента в данном случае проявляются, во-первых, в отнесении к категории «Они», как правило, означаемой в дискурсе словами «империализм», «буржуазия», их производными и т.д. всех, кто находится за пределами данной культурной общности и придерживается отличной от принятой в этой общности точки зрения на пути развития общества, и, во-вторых, - в принадлежности этого образа сугубо дискурсивной реальности.

Обращение к средствам метафоризации при этом определяется стремлением субъекта составить необходимое ему представление политической действительности, в рамках которого становится возможной демонстрация вероломных намерений оппонента и его негативное и даже вредительское отношение к советскому государству.

Пример: *И на этой основе, на основе роста сил международной революции - против этого роста, из боязни перед ним, плетет свою липкую паутину хищное чудовище империализма* [1].

Так, в приведенном примере средства метафоризации способствуют такому формированию негативного образа оппонента, который позволяет субъекту избежать аргументированных объяснений и остановиться на сугубо эмоциональных оценках его действий, в соответствии с которыми выражается предостережение относительно предполагаемой хитрости, подлости, лицемерия оппонента (*плетет свою липкую паутину...*). Метафора, связанная с градацией (*на основе роста... - против этого роста - из боязни перед ним*), повтором (*рост*) и подхватом (*основе*), собственно вводящим эксплицирующую градацию, способствует большей маркированности смыслового конструкта «Они» и, как следствие, служит усилению контраста между полярными элементами смысловой оппозиции «Мы-Они».

Советский политический дискурс во многом сохраняет характерную для американской политической коммуникации тенденцию диффамации оппонента, реализации которой служат средства метафоризации, проявляющие свои креативные, эксплицирующие, актуализирующие и интенсифицирующие смысл свойства.

В то же время, в рамках советского политического дискурса, тенденция диффамации политического оппонента актуализирует особый, специфичный только для советского политического дискурса смысл «*вопреки*», отражающий стремление молодого государства подчеркнуть свою способность «стабильно развиваться», выдерживать экономическую конкуренцию с другими странами, несмотря на выражаемое оппонентом недоверие выбранному курсу.

Пример: *Среди этих бушующих волн экономических потрясений и военно-политических катастроф СССР стоит отдельно, как утес, продолжая свое дело социалистического строительства и борьбы за сохранение мира* [8].

В данном высказывании смысл «вопреки» создается вследствие использования метафоры (*бушующие волны...*), перерастающей в сравнение (*как утес*), которые способствуют представлению своего государства как противопоставленного всему неблагоприятному миру на основе актуализации смысловых аспектов «устойчивость» и «непоколебимость».

Построение смысла «вопреки» также возможно в связи с опредмечиванием в дискурсе смысловых аспектов, соотносимых с обвинениями в адрес оппонента, разоблачением его стремлений «навредить» молодому государству, «расколоть его сплоченность», и, одновременно, смысловых аспектов, связанных с выражением способности страны противостоять оппоненту:

Пример: *Но близоруки и напрасны расчеты тех, кто хотел бы вырвать хоть одно звено из социалистического содружества <...> Содружество социалистических государств - это неразрывное целое* [4].

Средства метафоризации, основным среди которых в данном случае является метафора *«вырвать звено»*, способствуют представлению одного явления (*содружество государств*) в терминах другого (*цепь*) и служат выражению крепости связей, существующих в рамках социалистического лагеря, подчеркивают преданность каждого из формирующих его государств общему делу.

Вторая тенденция выстраивания оппозиции «Мы-Они», заключающаяся в нейтральном представлении политического оппонента, в большей степени характерна для французского политического дискурса, в котором практически отсутствует оппозиция «Мы-Они» в том радикальном смысле, в каком она предстает в советском и американском политических дискурсах. Редкие исключения актуализации действительной оппозиции «Мы-Они» соотносятся с периодами военных конфликтов, когда налицо противопоставление собственной мирной политики и политики союзников, угрожающей миру агрессии.

Пример: L'Angleterre et la France, résolument attachées à une politique de prudence, de sagesse et de modération, ont fait tout ce qui était humainement possible pour éloigner cette crise. La voix de leurs chefs de gouvernements s'est jointe à celles des plus hautes autorités morales et politiques du monde pour appeler les hommes qui tenaient dans leurs mains la guerre ou la paix à réfléchir avant de déclencher abominable fleau. Ce fut en vain [10].

Реализуемая при помощи средств метафоризации - повторов, перечисления и градации (*une politique de prudence, de sagesse et de modération*), метонимии (*la voix de leurs chefs de gouvernements s'est jointe à celles des plus hautes autorités*), метафоры proper (*les hommes qui tenaient dans leurs mains la guerre ou la paix, déclencher abominable fleau*) - экспликация собственной мирной политики и интенсификация смысла, связанного с подчеркиванием факта приложения данным государством и его союзниками максимума усилий для предотвращения развязывания войны, способствуют усилению контраста между составляющими оппозицию «Мы-Они» конструктами на основе актуализации аспектов оценки. С одной стороны, оценочный компонент является необходимой составляющей смысла-оппозиции «Мы-Они», с другой стороны, в зависимости от использования тех или иных средств смыслопостроения. возможно его усиление. В данном случае в роли такого интенсификатора выступает, прежде всего, метонимия (*la voix de leurs chefs de gouvernement...*), высвечивающая аспект «необходимость поддержания мира» и подчеркивающая искренность и единство стремлений разных наций предотвратить военные действия, которые не были поддержаны оппонентом, от которого, по сути, зависело решение вопроса.

Однако, как правило, в рамках французского политического дискурса выявляется тенденция конструирования оппозиции «Мы-Они», при которой фактически элиминируется компонент отрицательной оценочности, а, следовательно, исчезает и само понятие оппонента, который, скорее, приобретает смысл «конкурент»:

Пример: ...si nous ne le faisons pas nous nous exposerons à un avenir qui ne serait guère souriant; d'une part, nous risquerions de décrocher durablement par rapport aux grands pays voisins qui, à la suite de circonstances diverses, ont commencé plus tôt que nous la révolution du développement économique et qui sont bien décidés à la poursuivre [13].

Pour être à la hauteur de nos grands partenaires européens, notamment de l'Allemagne et le Royaume-Uni, un freinage de la dépense publique est indispensable. Il nécessitera une énergie et une volonté sans faiblesse [11].

Так, в данных высказываниях выражается стремление субъекта сохранить одно из доминирующих положений в мире, сократить разрыв, существующий между собственным уровнем развития и уровнем развития других стран. Необходимость реализации данного стремления подчеркивается обращением к метафоре (*un avenir qui ne serait guère souriant*), а ее возможность обуславливается надеждой на активизацию усилий нации в целом, что достигается использованием метонимических переносов (*il nécessitera une énergie et une volonté sans faiblesse*). Собственно существование разрыва между уровнями развития стран эксплицируется субъектом вследствие употребления метафор (*la révolution du développement économique, pour être à la hauteur de nos grands partenaires*), актуализирующих аспекты смысла, соотносимые с достижениями оппонентов.

Конструирование образа политического «конкурента» во французском политическом дискурсе служит цели создания некоторого стимула, возможной конечной или промежуточной цели или ориентира, к которому необходимо стремиться, чтобы сохранить свое положение и влияние в мире, заставляющее другие страны считаться с ее основными принципами.

Приверженность такой стратегии создания оппозиции, которая заключается в конструировании образа политического «оппонента» как образа «конкурента» и его противопоставлении собственному образу с точки зрения анализа уровня развития государств, отражает специфику французской национальной ментальности, в силу которой Франция в XX веке занимает в мире позицию уклонения от внешних конфликтов, придерживаясь политики сдерживания и избегания агрессии и сосредоточения на внутреннем развитии страны.

Итак, присутствие оппозиции «Мы-Они» в качестве смысла-основы в политическом дискурсе определяется спецификой его институциональности, а также обусловлено актуализацией концептуального архетипического противопоставления «Мы-Они», которое с некоторыми модификациями переносится на сферу политических отношений в силу присущей им полемичности.

Анализ представленности смысловой оппозиции «Мы-Они» в различных национальных типах дискурса выявил наличие устойчивых тенденций ее построения, связанных с предпочтением субъектами диффамации или нейтральной характеристики политического оппонента. Ключевая роль средств метафоризации заключается в обеспечении интенсификации лежащего в основе смысла противопоставления путем создания особой дискурсивной реальности, в рамках которой становится возможным индивидуальное представление и субъективная интерпретация политической действительности.

Список литературы

1. Бухарин Н. И. Годовщина славной и трагической смерти // Правда. 1927. 20 июля. № 162.
2. Васильева С. Л. Возможности применения герменевтического подхода и теории системомыследеятельности Г. П. Щедровицкого для описания политического дискурса XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5): в 2-х ч. Ч. II. С. 64-70.
3. Васильева С. Л. Метафорическое смыслообразование в политическом дискурсе XX века (на материале русского, английского и французского языков) // Там же. С. 60-64.
4. Громыко А. А. О международном положении и внешней политике Советского Союза // Известия. 1968. 27 июня. № 149.
5. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
6. Дилigentский Г. Г. Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994. 304 с.
7. Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс: Изд-во Вильнюс. ун-та, 1995. 232 с.
8. Сталин И. В. Отчетный доклад 27-му съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://17.by.ru/index.htm>
9. Филинский А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002. 15 с.
10. Chaban-Délmás J. Le Discours à L'Assemblée National le 16 Septembre 1969 [Électronique ressource]. URL: <http://electpresidentielle.free.fr/presidentielle2007/DOPMDI05chaban.htm>
11. Jospin L. Le Discours à L'Assemblée National le 19 Juin 1997 [Électronique ressource]. URL: <http://electpresidentielle.free.fr/presidentielle2007/DOPMDI17jospin.htm>
12. Kennedy J. F. Radio and television address to the American people on the nuclear test ban treaty. Washington D.C., July 26, 1963 [Electronic Resource]. URL: <http://library.nstu.ru/InfoUSA/facts/speeches/rhetoric/archive.htm>
13. Lebrun A. Message du Président de la République (Adresse aux Deux Chambres du Parlement) // Le Temps. 1939. Septembre 4.
14. Nixon R. Vietnamization. November 3, 1969 [Electronic Resource]. URL: <http://library.nstu.ru/InfoUSA/facts/speeches/rhetoric/archive.htm>
15. Roosevelt F. D. The arsenal of democracy. December 29, 1940 [Electronic Resource]. URL: <http://library.nstu.ru/InfoUSA/facts/speeches/rhetoric/archive.htm>

**THE SPECIFICITY OF THE ACTUALIZATION OF THE ARCHETYPICAL CONSTRUCT “OWN-STRANGE”
IN THE POLITICAL DISCOURSE OF THE XXTH CENTURY**

Svetlana Leonidovna Vasilyeva

*Department of Linguistics and Translation Theory
Institute of International Education and Language Communication
National Research Tomsk Polytechnic University
tutok@mail.ru*

The article is the continuation of the interpretation of the problem of the hermeneutic description of the political discourse of the XXth century relying on the constructs presented in the texts with the help of metaphORIZATION means. The author tackles the ways of the language construction of the opposition “We-They” which can be considered as a key one for the political discourse of the XXth century and as the sense basis of the discourse as a whole.

Key words and phrases: political discourse; “We-They” opposition; metaphORIZATION means.

УДК 821.161.1

Статья посвящена изучению роли французского языка для становления и выражения этико-философских взглядов В. А. Жуковского, в частности его так называемой «философии фонаря». При этом французский язык рассматривается как инструмент перевыражения образов и смыслов, сформулированных изначально на русском языке.

Ключевые слова и фразы: В. А. Жуковский; французский язык; эстетика; эпистолярное наследие; двуязычие.

Ирина Анатольевна Вяткина, к. филол. наук
*Кафедра лингвистики и переводоведения
Томский политехнический университет
iviat@rambler.ru*

**«ФИЛОСОФИЯ ФОНАРЯ» В. А. ЖУКОВСКОГО:
К ВОПРОСУ О РУССКО-ФРАНЦУЗСКОЙ ДИГЛОССИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА[©]**

Особый интерес современного отечественного литературоведения к проблемам межкультурной коммуникации и рецепции зарубежных литератур русскими писателями способствует актуализации исследовательского внимания к роли французского языка и французской культуры для развития русского литературного языка и словесности начала XIX века.